

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 10-11

ОСКАР СОВЕТСКОЙ ПЕСНИ

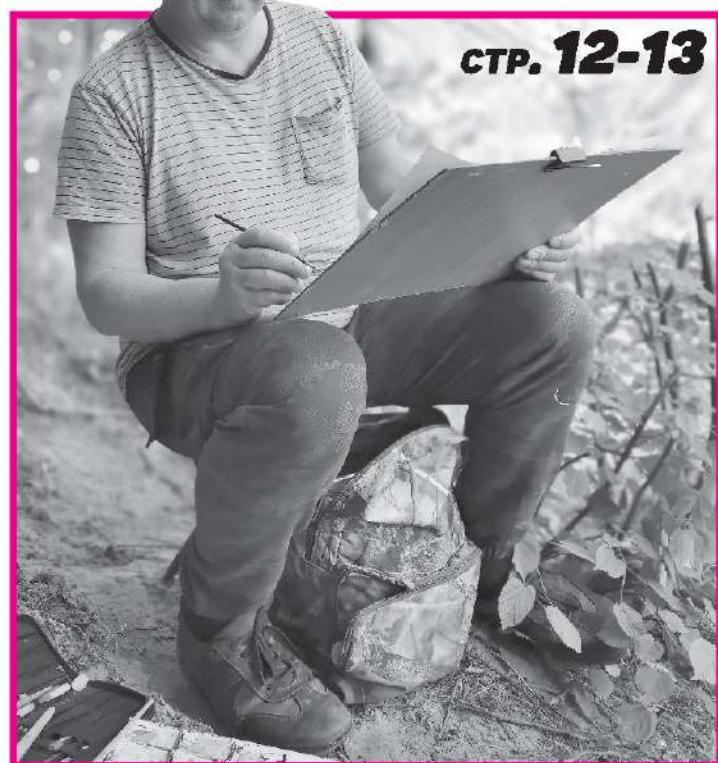
ЙОКО ОНО И ЕЕ ИСКУССТВО

стр. 6-7

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№7 (36)
ФЕВРАЛЬ 2021

стр. 12-13

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЖИЗНИ ДМИТРИЯ ШАБУНИНА

МИЛЛИОНЕР- НЕПОСЕДА

стр. 5

АГНИЯ БАРТО: АВЕРС И РЕВЕРС

стр. 8-9

ОСКАР СОВЕТСКОЙ ПЕСНИ

Александр Галиас

Так и тянет написать по старым трафетам: кто не знает такие песни, как... И тут останавливавшись, потому что перечень этих песен займет минимум полстраницы. Ибо Оскар Борисович Фельцман, столетие содня рождения которого отмечается 18 февраля, за полвека своей творческой деятельности сочинил более 300 песен плюс пару сотен вокальных номеров для своих многочисленных оперетт. И характеристика «классик песенного жанра» — вовсе не преувеличение...

О «КЛАССИКЕ» — ГЛАВНОЕ

Оскар Борисович Фельцман родился 18 февраля 1921 года в Одессе в семье известного хирурга. В пять лет начал серьезно заниматься музыкой. Первым его наставником стала выдающийся педагог Берта Райнбальд. В шесть лет Оскар сочинил свою первую фортепианную пьесу «Осень». В 1939 году О.Фельцман после окончания школы имени П.С.Столярского, поступил на композиторский факультет Московской консерватории в класс В.Я.Шебалина. Во время учёбы получал Сталинскую стипендию. Летом 1941 г. был эвакуирован в Новосибирск. Работал дирижёром и заведующим музыкальной частью БелГОСЕТА, музыкаль-

ным руководителем Новосибирского молодёжного театра. В послевоенные годы обрёл популярность как автор музикальных комедий — «Воздушный замок», «Суворочка», «Шумит Средиземное море» и др. Они шли во многих театрах Союза, в т.ч. Львовском (ныне — Одесском) театре музкомедии. Дебют в песенном жанре — «Теплоход» — вошел в репертуар Л.Утёсова. Начиная с середины 1950-х песни О.Фельцмана приобретают широкую популярность. Композитор сотрудничает с ведущими поэтами-песенниками и эстрадными исполнителями.

О.Фельцман никогда не прерывал связи с родным городом. По пьесе своих земляков Г.Голубенко, Л.Сущенко и В.Ханта он сочинил мюзикл «Старые дома», который с успехом шёл в десятках театров СССР. В Одесской музкомедии уже много лет с успехом идет другой мюзикл О.Фельцмана — «Тетка Чарлея». Более десяти песен в родном городе сочинены композитором на слова М.Матусовского, Б.Дубровина, Ю.Гарина. Некоторые из них прозвучали во время авторского концерта в Одессе в дни празднования 200-летия города. В 2010 г. награжден почетным знаком отличия Одесского городского головы «Одесса».

САМ О СЕБЕ

«Когда мне было пять лет, меня, как и многих одесских мальчиков из «хорошей» еврейской семьи, повели к про-

фессору Столярскому. Но через несколько занятий я сказал ему, что играть на скрипке не буду категорически.

Он спросил: «Мальчик, тебе не нравится, какая тебе уча?»

А я ответил, что не хочу играть стоя, хочу только сидя.

Отправили меня учиться играть на рояле и всё пошло нормально».

«Я окончил школу Столярского по двум специальностям — роялю и композиции. Играть на рояле учила Берта Михайловна Рейнгальд, а композицию вел Николай Николаевич Тминский, профессор Одесской консерватории. В 1939-м я уехал в Москву, поступил в консерваторию в класс композиции к Виссариону Яковлевичу Шебалину. Он потом написал письмо в Одессу Тминскому, благодарил за то, что Николай Николаевич меня так хорошо подготовил».

в эвакуации, был оркестр Евгения Мравинского. Ему меня порекомендовали, как «мальчика, который вроде музыку может писать». Евгений Александрович мною заинтересовался, его оркестр исполнил мои произведения... В возрасте 20 лет я стал секретарем Сибирского отделения Союза композиторов. Меня заметил Владимир Владимирович Владимировский, работавший в Министерстве культуры, и взял с собой в Стalingrad, где тогда находился в эвакуации Московский театр оперетты. Должен признаться, что до тех пор ни одной оперетты я не слышал. Но в меня поверили, и театр заказал сочинить оперетту «Синий платочек» на либретто Катаева. Я за две недели написал полный клавир оперетты, всем очень понравилось, но, когда должны были начать репетировать, то в нашей замечательной газете «Правда» появилась статья «Поточный метод в литературе», где от катавинской пьесы камни на камня не осталось. Так что от моей первой оперетты ничего у меня не сохранилось».

«Когда кончилась война, Театр оперетты меня не забыл. В 1948 году там пошел мой «Воздушный замок». На премьере побывал Тихон Хренников, его только что поставили во главе Союза композиторов. После спектакля он подошел ко мне в театре и сказал: «Ты это сам написал, ну — молодец!». Через несколько дней меня представили к Stalinской премии. Премию я не получил, но в 27 лет стал известным композитором и обеспеченным человеком. В Риге купил костюм у самого лучшего портного и вошел в общество уже в пижонском костюме...

Тогда я понял, что нет ни «лёгкой», ни «серьёзной» музыки: такое разделение — просто глупость.

«Имя Утёсова для нас, мальчишек тридцатых годов, обладало особой трогательностью, тем более после выхода на экраны «Веселых ребят». Вспоминаю, с какой гордостью Эмиль Гильельс, с которым мы учились в школе имени Столярского, рассказывал, как в Москве ему посчастливилось слушать оркестр Утёсова и даже разговаривать с самим Леонидом Осиповичем.

Мое знакомство с Утёсовым состоялось в 1941 году в Новосибирске. Сюда вместе с другими творческими коллективами был эвакуирован оркестр Утёсова, здесь находилась его база, хотя сам оркестр, разумеется, на место не сидел, часто выезжал на фронт. Мое музыкальное образование, воспитание были направлены на другие цели: на музыку симфоническую, камерную. Но время было такое, что, прежде всего, требовались песни — самый массовый, демократический жанр. Я написал на стихи сибиряжского поэта Кондырева лирическую песню о верности, о любви к мужчинам, сражающимся с врагом, а Леонид Осипович включил ее в репертуар своего оркестра. Интересно, что инструментировал эту песню Аркадий Островский, работавший тогда в оркестре Утёсова.

Однако довольно скоро выяснилось, что песня моя особой ценности не пред-

Со второй женой Ниной Караповой

«Музыкальная атмосфера в Одессе времён моего детства была просто потрясающая. Сюда приезжали выдающиеся музыканты: играл Артур Рубинштейн, дирижировал Вилли Ферреро. Но при этом шли репрессии, многих сажали в тюрьмы. До сих пор трудно осмыслить, как такое могло совмещаться...»

«Когда я учился, то даже не мог представить, что когда-либо стану сочинять песни. Меня учили как серьезного музыканта. В Москве я получал Сталинскую стипендию, 500 рублей, большие деньги, я мог жить независимо. Когда началась война, я оказался в Новосибирске, там,

ставляет, и, выполнив свою сиюминутную задачу, была благополучно забыта всеми, кроме разве что ее автора. Следующую свою песню я написал года через три-четыре после войны. Называлась она «Теплоход». Сам я уже успел разувериться в своих способностях композитора-песенника, поэтому, показывая ее друзьям, делал обычно такое предувещание: «Послушайте песню, которая никуда не годится». Тем не менее, товарищи посоветовали показать ее Утесову. Леонид Осипович, выслушав меня, ничего не стал обсуждать, только сказал: «Скоро вы ее услышите». Я по сей день не знаю, как Утесов работал над моей песней. Он не любил, когда вторгались в его творческую лабораторию и редко допускал авторов на свои репетиции. Просто через некоторое время Леонид Осипович пригласил меня к себе домой и дал послушать пластинку с моей песней. При этом он заметил: «Вот увидите, песня станет популярной». И что же вы думаете? «Теплоход», действительно, запели очень широко. Вот так, на утесовском «Теплоходе» я «вплыл» в песню, без которой теперь не мыслим себя, как композитора.

Сейчас я понимаю, что в моей душе органически было заложено стремление к демократическим жанрам (как никак родился я в Одессе!), и требовался только толчок, чтобы все стало на свои места. Таким толчком стала для меня встреча с Леонидом Осиповичем Утесовым.

«Как ты выступали с серией концертов в Израиле вместе с Никитой Богословским. Принимали меня прекрасно. Но вот Никита мне как-то говорит: «Слушай, Оскар. У нас авторские концерты, а ты абсолютно ничего не делаешь». Я говорю: «Как же, мы же вместе выступаем?» — «Да, — говорит он, — но ты в концертах абсолютно ничего не делаешь». У меня как-то скрутило, и я говорю: «Ты расшифруй, как?» — «Ну, ты выходим, садишься за рояль, играешь, они все время поют». А на следующем концерте он мне говорит: «Сегодня мнехор слушателей не так нравится. Вчера у них тембр был более мягким».

«Еще одна история в Израиле. Мы выступали по радио, одна женщина позвонила и говорит: «Оскар Борисович, пока вы выступаете по радио, я готовлю вам ленивые вареники, куда вам их привезти?»».

«В Одессе, когда преодолевал 200-летие города, случилась со мной смешная история. Я очень хорошо закончил школу Столлярского — с занесением на «золотую доску». А в 1994-м должен был состояться в этой школе мой авторский концерт. Я пришел и попросил показать мне эту самую «золотую доску». Это было что-то типа стенной газеты, выдержанной испытание времени. Там были старые, пожелтевшие, но замечательные фотографии. Я жутко заволновался, ведь там была моя фотография. Так что еще неизвестно, какая доска дороже: из чистого золота, или эта, прошедшая войну и висящая в школе Столлярского».

ИСТОРИИ ПЕСЕН

«ЛАНДЫШИ». Первую свою знаменитую песню О.Фельцман сочинил в 1955 г., на слова очень известной в ту пору поэ-

тессы Ольги Фадеевой для концертной программы летнего театра «Эрмитаж», который после войны считался одной из главных эстрадных площадок советской столицы. Мотив был придуман буквально за 15 минут, а затем песню отдали начинающей тогда Гелене Великановой. Как призналась певица, ее в этой песне привлекли «простота, наивность, бесхитростность» и «святого мая привет». Ведь мая для нас всех, прежде всего — праздник весны. Все это греет души, размягчает сердца».

Судя по всему, слушателям эти качества «Ландышей» тоже оказались близки, и песня совершенно неожиданно для ее создателей получила ошеломляющий резонанс. Великанову просто не отпускали со сцены, пока она не исполнила «Ландыш» как минимум дважды. Пластинку с записью Г.Великановой разобрали мгновенно, и можно смело сказать, что ни одна тогдашняя «дискотека» не обходилась без этой мелодии. Но затем — почему, так достоверно и неизвестно — «Ландыш» попали под критический прищеп. Песня стала как бы «образчиком дурного вкуса» и практически дважды лет не звучала с концертной эстрады. Что, впрочем, ничуть не помешало народной к ней любви.

Доходило до курьезов.

Сын Владимир Фельцман

Как-то во время «творческого автопробега» по маршруту Москва — Ленинград группа композиторов, среди которых были Дмитрий Шостакович, Тихон Хренников и Оскар Фельцман, провели концерт в Клину, на родине П.Чайковского. И вот во время выступления поднялся секретарь горкома партии и настоятельно попросил исполнить «Ландыш». Партийного руководителя ничуть не смущил тот факт, что его же собственная партия считает эту песню «вредоносной».

Лучшим же свидетельством популярности песни стало невероятное количество переделок. Вот, к примеру, какую историю любил рассказывать космонавт Павел Попович. В день, когда должна была стартовать ракета с первым космонавтом, Сергеем Королевым попросил его быть на связи с Ю.Гагариным. «За пять минут до команды «протяжка один пульс и артериальное давление космонавта пришли в норму, — делился воспоминаниями П.Попович. — Гагарин попросил меня дать в трансляцию музыку. Я спросил: «Юра, дать «Ландыш»? Он засмеялся, в ЦУПе тоже рассмеялись, весело стало всем, кто знал, как мы переделали эту популярную песню. В нашей редакции один из куплетов звучал так:

С Робертом Рождественским

Ты сегодня мне принес
Не букет из алых роз,
А бутылочку «Столичную».
Заберись в машину,
Надерись от души.
И зачем нам эти «ландыши»?

Зато заграничные артисты, которым наши идеологии были «по барабану», вовсе перепели «Ландыш» — всяч на свой манер и на своем языке. Песня звучала на японском, английском, чешском, китайском и других языках. А уже в начале 1990-х солист группы «Мегаполис» Олег Нестеров на фельцмановскую мелодию сочинил немецкий текст «Karl-Marx-Stadt». Дело в том, что прямой перевод притча «Ландышей» на немецкий — «Mairgleckchen, Mairgleckchen» не ложится на мелодию, и артист использовал название города Карл-Маркс-Штадт. Самое забавное, что молодое поколение всерьез убеждено, что именно немецкий вариант является первичным.

«Много лет тому назад, — вспоминает автор песни, — я слушал японские «Ландыши» — притезки сюда квартет «Джакс-Дакс», потом я слушал чешские «Ландыши» и думал, что евреи отстали. Но вот выпускается диск — там 10 моих инструментальных еврейских пьес, которые играет инструментальное трио из Екатеринбурга «Мазлот». И кончается это все еврейскими «Ландышами».

Вот как выглядит китайский вариант первого куплета и призыва.

今天？送我一束花，
不是芳香红玫瑰，
不是郁金香和百合花。
羞答答地捧给我，
那是清纯又朴素，
却又如此可爱的一束花。

(副歌：)

铃兰花，铃兰花，
明朗的五月之花。
铃兰花，铃兰花
洁白的花。

А это — японская версия.

1. ある夏の夜 静かな森を
ひとり歩くとき
いざこもなく ただようその香 (か)
すずらんの花よ
*ランディッシュ ランディッシュ
やさしいおとめよ
ランディッシュ ランディッシュ
きみこそ

«ЧЁРНОЕ МОРЕ МОЕ...». У этой песни тоже нетривиальная судьба. Она была написана для кинофильма «Матрос с «Кометы»».

Идея песни родилась у поэта Михаила Матусовского, которому пришли на ум две строчки:

Самое синее в мире —
Черное море мое...

Сам поэт сперва посчитал их «ужасными», но композитор, знавший не понаслышке, каким бывает Чёрное море, подобрал созвучия.

Художественный совет принял фильм «на ура», причем особенно хвалили песни. Но в Комитете по кинематографии были иного мнения: это — «пошлинина». Через некоторое время состоялось заседание Коллегии Министерства культуры, где обсуждался вопрос о снятии фильма с репертуара, причем одним из аргументов было то, что главная песня картины не удавалась, она оказалась «пошлой» и народ ее петь не будет.

Олег Нестеров

Дело было летом, стояла жара, окна были открыты, в здании напротив вились ремонтные работы. И тут член Коллегии, знаменитый режиссер Рубен Симонов вдруг сказал: «А послушайте, что там девушки на лесах поют». А девушки-маячиры пели: «Тот, кто рожден был у моря...». Случился большой конфуз. Первым опомнился министр культуры: «Мы же не собираемся запрещать картину, мы так — критикуем...» И «пошлия» песня звучит до сих пор, ее можно назвать «неформальным гимном» Чёрного моря.

Интересно, что в фильме эта песня звучит в двух вариантах. Первый — хорошо известный по многочисленным записям разных артистов и коллективов. Второй же сохранился только в finale картины, как марш — апофеоз концерта самодельности.

Было в берега величаво
Волны далеких морей.
Где б им по свету не плавал,
Всюду встречал ты друзей.
Друг в беде окручи,
Шли мы на пакощ не раз.
Верная дружба морская
Снигла законом для нас.
Речь, как гордая птица,
Флаг, на котором корабль,
Могут всегда говориться
Все пороки на земле.

Конечно, эти слова отдают романтикой 1950-х, они тесно связаны с картиной и забыты вполне справедливо. А мы воспринимаем эту песнь как лирическое признание в любви Чёрному морю.

